К 50-ЛЕТИЮ СОВЕТСКИХ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ

„Шумел сурово Брянский лес...“

очерк Л. Крохалев

Живет в нашем городе Анастасия Степановна Гаврилкина, ныне персональная пенсионерка. Двадцать семь лет назад она, молодая девушка, боролась с гитлеровским нашествием в рядах партизанского отряда имени Тимошенко, который базировался в Брянских лесах. По ее воспоминаниям и написан этот очерк.

«Враг хочет нашей земли, нашего хлеба, наших богатств. Дайте ему три аршина земли — могилу...».

(Из партизанской памятки, врученной Анастасии Гаврилкиной в 1943 году в ЦК ВЛКСМ на слете комсомольцев-партизан).

I

ДЕРЕВНЯ ОЛЬГИНО, что на Брянщине, притулилась на косогоре. Дома ее, как выводок утят, боящихся отстать от матери, тесно прижались друг к другу и торопятся к речке Усолке. Да не дошли до нее, замерли на полпути. Усолка медленно струится под горушкой. А с трех сторон почти вплотную подступил к деревне смешанный лес: сосны, березы, осины, дубы.

На окраине деревни — школа. Стоит на отшибе. Исстари так заведено. Случись в деревне пожар — дом от дома близко, а на школу огонь не перекинется.

В мае 1941 года Настенька Голдобина приехала погостить в Ольгино к своей сестре Степаниде — учительнице. Посевная уже закончилась. Селяне отдыхали перед новой страдой — сенокосом. Днем деревенские мальчишки бегали тайком от матерей купаться на Усолку — конец мая, солнце нагрело воду. А по вечерам малиновые закаты обливали легкий пух облаков нежно-розовым светом. В такое время возвращаются с выгона табуны. Настенька ходила с племянниками встречать к речке Красавку, рыжую, крупную корову.

За свои двадцать два года она впервые приехала в деревню. Все в диковинку: и табуны встречать, и куры на дворе, и воздух свеж, даже дух захватывает; бусинки рос с переливами так чудно искрятся в первых лучах солнца, и сизая дымка стелется за прясламн огородов, медленно сползая вниз, к Усолке. Хорошо!

НЕЗАМЕТНО промелькнул месяц—будто его и не было. Вечером Настя со своими подружками Олей и Зоей, с которыми она успела познакомиться за этот месяц, долго пробыла на вечерках возле деревенского клуба. Веселились. Пели песни. Голосистая двухрядка только заполночь перестала будоражить чуткий сон домохозяек в соседних с клубом домах.

А на утро, чуть свет, прискакал в Ольгинский сельсовет конный нарочный. Потная лошадь его тяжело поводила боками. Хмурое лицо посыльного покрыто серой пылью. И весть его была такая же нерадостная, хмурая, как дождливый осенний день: Гитлер напал на Россию.

Вероломно. Без объявления войны.

«Что же это? Как же я буду? Война ведь. Домой, домой...», — думала Настенька. Она так и хотела сделать — уехать сразу домой — да сестра не отпустила.

— Чего же ты испугалась, дуреха? Да разве пустят сюда врага. Неужели же ты думаешь, что наша армия отступать будет. А моему вон повестка пришла... Оставайся. С ребятишками мне управиться поможешь.

И Настенька осталась.

Подоспела уборочная страда Снимали урожай и тут же раздавали съестное неразговорчивым солдатам из проходивших мимо частей. О делах на фронте можно было не спрашивать: научились читать по лицам — плохо...

Было плохо. Гитлеровцы, как скаженные, лезли и лезли все дальше в глубь страны. Месяца через полтора жители Ольгино услышали грозовые раскаты орудийных залпов. Жуткая это гроза Оборачивается она не дождем, а смертью.

Про зверства фашистов наслышались от беженцев. А вскоре и сами их увидели.

НЕПОДАЛЕКУ ОТ ОЛЬГИНО проходила крупная дорога. Севский большак. Видно, она имела стратегическое значение. Два дня шли бои за деревню. Село переходило из рук в руки — то наши в нем, то — немцы. Жители попрятались в погреба. Настя с сестрой и ребятишками укрылись в убежище, которое она сама выкопала на всякий случай. Два дня гремели над деревней выстрелы, а на третий стало тихо.

Настя вылезла узнать, что творится в деревне. Не отпускала сестра, да не век же сидеть в сырой яме.

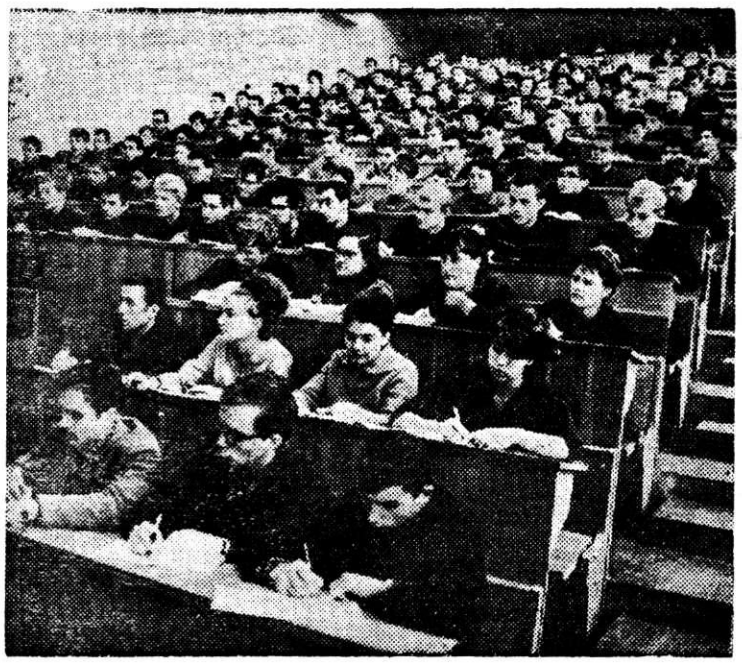
Тихонько пробиралась огородами. Осматривалась. Где-то в конце деревни слышны крики. Только вышла в проулок — навстречу гитлеровец с автоматом. Небритый, рукава у пыльного кителя загнуты.

— Рус! Хенде хох! — мотнул автоматом, показал куда идти.

На окраине, куда привел Настю немец, сбилась в кучу большая толпа народу. Мужики угрюмо молчали, бабы и ребятишки ревели в голос. Слезы и крики. Волосы дыбом, как у клоунов в цирке. Не гадали, не думали, когда смерть придет, а она вот — рядом, смотрит в душу черными зрачками автоматных стволов. Фашисты долго не думали: раз цеплялись русские солдаты за село, значит, все тут коммунисты. Расстрелять, и — делу конец.

Вскоре плачущую, напуганную толпу повели под конвоем к оврагу. Выстроили всех в несколько рядов над обрывом. Пулеметы метрах в двадцати направлены в безоружных людей.

(Продолжение следует).



Тяжело в учении — легко в бою. Эта поговорка применима во всех случаях жизни. И у студентов тоже она в обиходе. От того, насколько внимательны студенты на лекциях, прилежны в часы занятий дома — зависит их успех во время экзаменационной сессии.

А сейчас как раз такая пора: на заочном отделении горнометаллургического института проверяются теоретические знания будущих доменщиков, прокатчиков, горняков, инженеров других металлургических профессий.

У одних в зачетных книжках появляются оценки «отлично» и «хорошо». Другим приходится сожалеть о своей беспечности в аудиториях учебного учреждения и дома.

И наверняка этот урок пойдет на пользу — старательных студентов-заочников будет больше.

„ЗНАКОМЫЙ“ ЛЕНИНА

Бесконечными черными лентами, обернувшими кварталы живыми кольцами, тянулись колонны к Дому союзов. У колонн — по задам, по хвостам — ходил в овчинной шапке мужик. Мужик говорил просительно, останавливаясь:

— Товарищи, возьмете, может, себе у союз?..

Никто не брал его «в союз», сбоку лошадью наседал неумолимый милиционер, мужик потопгался, вздохнул привычно и отошел в сторону, к тлевшему дымному костру. Он снял у костра огромные суконные рукавицы, грел над огнем скрюченные руки, от рук шел талый пар.

К костру подбежал на минутку красноармеец из цепи и присел на корточки, обводя глазами, толпившихся кольцом людей.

— Отец, — спросил красноармеец, — ты, никак, и вчера был?

— Именно, верно, — сказал мужик. — Были мы и вчерась, также придем завтра, вообще, покеда не стеснят народ...

— А пошто? Не допустили?

— Зачем не допустили? Допустили вполне, а доступу одна минута, с одной минуты в думу не вошло...

Он помолчал, шевеля губами, и сказал строго:

— Покойнику дорогому являюсь я знакомый.

Красноармеец смотрел вопросительно, люди у костра глядели на этого странного знакомого главы русского правительства и гениального вершителя мировых дел. «Знакомый» очистил с помощью двух оттаявших пальцев нос и рассказал следующее.

Года три тому назад он приехал в Москву из глуши Брянских лесов насчет общественной мельницы — притесняли очень народ с мельницей. Ходил мужик долго, разные люди давали направление: вот пойдите в ВСНХ, а потом в Наркомпрод, а затем в Наркомзем и туда, и сюда, делу же исхода не получалось. Сбил мужик валюшки и запасные лапти сбил, дополнительно к мельничным делам стал сапоги просить — босой в стужу не находишься. И опять ему: а вы сходите в Соцобес, из Соцобеса в Главную Кожу спихнули, а Главная Кожа говорит: «Нас это не касательно, вам Соцобес надо или же еще какое там другое слово». А по этим всяким словам ходить обесхарчивши, — тут и до смерти недалеко.

На заводе же, у Бромлея, работал сынишка. Сынишка говорит: «Будет в районе собрание, и сам придет товарищ Ленин, не иначе, папаша, как заловить вам его надо по вашим хрестьянским делам. Человек свой, разберется». Было тут сомнение: для этакого происшествия велик больно человек, чай, мельниц в государстве мильоны, а он один.

Однако дождался мужик у выхода председателя Совнаркома: «Явите, дорогой, снисходительно крестьянской нашей нужде».

И председатель Совнаркома в прокуренной комнатушке заводского клуба читал долго мужицкие бумаги и десятки резолюций на бумагах (разные люди давали направление), в уголке сделал надпись и качал головой: «Ах, ведомства наши!»

Потом председатель Совнаркома беседовал с мужиком о разных делах, по хозяйству: не много ль деревня обесхудобела, каков озимый клин, сколько хлеба остается по разверстке, усердны ли до бога, в чем деревенская главная нужда, также смеялся насчет сапог и о сапогах написал записочку.

А когда на прощанье извинился мужик и опять хотел кланяться, председатель Совнаркома остановил его: «Не извиняйтесь, товарищ, мы обязаны в каждое дело входить, ваше дело правильное...».

Мужик достал из кармана, из кисета, желтый бумажный клочок, разбегающиеся слова на клочке были стерты запавшими корешками махорки, по смыслу скорее можно было прочитать:

«В упр. д. Т-щи,
надо устроить ему
сапоги. В. Ленин».

Сколько таких знакомых было у Ильича!

(«Правда» № 21 от 26 января 1924 года).

ЧЕТЫРЕ ПЛЮС ЧЕТЫРЕ

Четыре детских сада открываются в Магнитогорске. В них будет находиться свыше 1000 маленьких граждан города.

Скоро еще такое же количество детей металлургов, строителей, калибровщиков, швейников, работников других предприятий города впервые переступят порог детских садов и яслей.

В 126, 96, 124 и других микрорайонах города сооружаются корпуса очередных детских садов и яслей.

С ними в Магнитогорске в общей сложности будет 140 детских учреждений.

ВНИМАНИЕ!

1 февраля 1968 года в помещении Дворца культуры профтехобразования состоится публичная лекция на тему «Ракетный щит Родины». Лекцию читает московский лектор, генерал-лейтенант в отставке М. М. Григорьев. После лекции демонстрируется кинофильм.

Начало лекции в 18 часов.

Билеты продаются в обществе «Знание» металлургического комбината.

Общество «Знание» ММК.

Редактор В. ШУРАЕВ.

Коллектив листопрокатного цеха № 3 глубоко скорбит по поводу смерти бывшего лудильщика ГРАЧЕВА Ивана Андреевича и выражает искреннее соболезнование семье и родственникам покойного.

Администрация, партийная и профсоюзная организации обжимного цеха с прискорбием извещают о преждевременной смерти работницы КУСОВОЙ Антонины Федоровны и выражают соболезнование семье и родственникам покойной.

ПИШИТЕ, ЗВОНИТЕ, ПРИХОДИТЕ

НАШ АДРЕС

Левый берег, ул. Кирова, 97, (гостиница, 2-й этаж). Телефоны 3-38-04, 3-47-04, 3-31-33, 3-07-98, 3-14-42.

ФБ13536 г. Магнитогорск. Типография ММК Заказ № 589 Тираж 2933